

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Е. Ю. Виноградова

Коммуникация в научном сообществе
как условие легитимации
социального знания

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Vinogr_communication.pdf

Перепечатка с сайта Социологического
института РАН <http://www.si.ras.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

КОММУНИКАЦИЯ В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ КАК УСЛОВИЕ ЛЕГИТИМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Современный интерес к проблеме коммуникации обусловлен изменением ее места и роли в различных общественных сферах. Люди, сообщества и само общество немислимы вне коммуникативных практик. Коммуникация как одна из основ человеческой и общественной жизни становится инструментом конструирования социальной реальности, репрезентирует различные формы отношений, включая отношения по поводу производства и применения нового знания. Особенно актуальной в данном контексте выглядит постановка проблемы относительно коммуникации внутри и вне научного сообщества, а также роли самого исследователя в этом процессе.

Никлас Луман в поисках «общества общества» — некоторой сверхструктуры — пишет об наиндивидуальности коммуникации. Согласно Луману, коммуникация не персональна, но функциональна, поскольку функциональна сама персона, личность, субъект. Решаемая коммуникацией задача — последовательность подсоединений. Коммуникация рассматривается Н. Луманом как синтез трех селекций: информации, сообщения и понимания¹.

Нельзя не согласиться, что коммуникация как информация и сообщение далеко не всегда предполагает обращение к некому адресату, но процесс понимания персонифицирован. Это всегда понимание кем-то, Другим, соотнесение себя и автора-отправителя, взаимоопределение смыслов. В этом случае коммуникация не может носить только функциональный характер, она эмоционально окрашена, целенаправленна и персонифицирована, детерминирована личностными характеристиками отправителя и получателя.

Понимая коммуникацию как смысловой и идеально-содержательный аспект социального взаимодействия, можно рассмотреть соотношение личного и индивидуального начала в коммуникации. Наиндивидуальность, понимаемая как «сверхличностное», предполагает отсутствие динамики, статичность. Однако надо учитывать тот факт, что процессы понимания постоянно трансформируются в зависимости от сопутствующего дискурсивного мышления субъекта (понимания им контекста) и цели, с которой он вступает в коммуникацию. В рамках обращения к деконструкции и анализу текстов эту концепцию развивает Ж. Деррида: текст не статичен, он изменяется в результате постоянной деконструкции обращаясь к нему субъекта². Мы обращаемся к текстам Э. Дюркгейма, М. Вебера вовсе не по той причине и не с той же целью, что их современники. В этой ситуации происходит «смерть автора» (в терминологии Р. Барта), но одновременно состоится и его «второе рождение».

Наиндивидуальность, понимаемая как «межличностное, интересубъективное», становится одной из основных характеристик коммуникации. Такое видение пробле-

¹ Луман Н. Медиа коммуникации. — М.: Логос., 2005. С. 7, С. 267.

² Деррида Ж. Письмо и различие. — СПб.: Академический проект., 2000.

мы представил Э. Мунье — родоначальник французского персонализма. Согласно концепции персонализма, общество индивидов не существует, существует общество личностей. Коммуникация есть первичный опыт человека, и мы владеем лишь тем, что отдаем другим: «я существую только в том случае, когда я существую для другого». Иначе говоря, французский персонализм вместо смерти автора повествует о его бессмертии¹.

Вся наука Нового времени стремилась к тому, чтобы низвергнуть автора с пьедестала. Естественнаучный подход способствовал этому как нельзя лучше. Объективной и «чистой» могла быть только наука, избавленная от личного начала — только та теория могла считаться научной, в основе которой лежат обезличенные и всеобщие законы, формулы, доказанные положения. Альтернативная наука постсовременности — это наука как коммуникация. Ни ход, ни результаты, ни субъекты познания не могут быть отторгнуты от той ситуации, в которой осуществляется научное исследование. Каждый элемент познавательного акта и его содержания пронизан, освещен контекстом коммуникационного взаимодействия, где каждый участник коммуникации взаимоориентирован на общение, а каждый акт коммуникации нагружен интенциональными смыслами. Наука соткана из множества живых, диалогических нитей — как со своими современниками, так и со своими предшественниками. Научное знание оказывается направленным взаимодействием различных актов полагания смысла. Участие в коммуникации ученых причащает их считаться с мнением других, сообразовывать свое мнение с мнением коллег, искать согласие, достигать общей точки зрения².

Функция коммуникации в этом случае не сводится только к сообщению или передаче информации, она ставит перед научным сообществом проблему легитимации нового знания в науке. Коммуникация становится основой легитимации нового знания в науке, иначе говоря — признанием валидности некоторой теории или результатов исследования данным научным сообществом.

В процессе коммуникации происходит «рождение» автора, исследователя, ученого, его персонализация. Он предстает как личность, которая в своем взаимодействии с другими достигает некоторой автономии, в то же время — не теряя своих «корней», то есть соотношения с влиятельной группой представителей «научного сообщества». Отныне это знание, становясь легитимным, неразрывно связано с его именем. Являясь общедоступным, оно имеет источник, что позволяет погрузить само знание в социокультурный контекст, который способствовал его появлению и становлению.

Понятие «научное сообщество» приобретает вполне определенный смысл и становится ключевым положением теории Т. Куна. Согласно его представлениям, научное сообщество состоит из исследователей с определенной научной специальностью. В несравнимо большей степени, чем в большинстве других областей, они получили

¹ Мунье Э. Манифест персонализма. — М.: Изд-во «Республика», 1999. С. 478.

² Огурцов А. П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций).// <http://ihst.ru/projects/sohist/papers/ogur93sp.htm>

сходное образование и профессиональные навыки, в процессе обучения усвоили одну и ту же учебную литературу.

В результате члены научного сообщества считают себя и рассматриваются другими в качестве единственных людей, ответственных за разработку той или иной системы разделяемых ими целей, включая обучение учеников и последователей. В таких группах, по мнению Т. Куна, коммуникация бывает относительно полной, а профессиональные суждения — относительно единодушными. Поскольку внимание различных научных сообществ концентрируется на различных предметах исследования, то коммуникации между обособленными научными группами иногда затруднительны¹.

Изучение исследовательских сообществ способствовало выделению небольших сплоченных групп теоретиков, деятельность которых предопределяет и вызывает крупные успехи и изменения в направлении исследований той дисциплины, к которой принадлежит данная группа. Связи между учеными и общей структурой научной коммуникации могут быть обозначены четырьмя типами — каждый тип фиксирует социальные отношения, постоянно встречающиеся в науке. Эти отношения выражаются в серьезном обсуждении текущих исследований; соавторстве как более тесной форме ассоциации, когда ученые вместе сообщают о результатах исследований; наставничестве, когда ученик проходит подготовку под влиянием своего учителя; коллегальности.

Большинство ученых, если они вообще ведут исследование, связаны каким-либо из этих отношений. В течение своей интеллектуальной жизни активный ученый, продолжающий принимать участие в структуре коммуникации, устанавливает и разрывает связи, к тому же его исследовательские интересы могут за этот период меняться несколько раз. Установление и разрыв связей, которые образуют общую структуру коммуникации, есть непрерывный процесс. Пары «учитель-ученик», соавторы оставляют о себе свидетельство навсегда, независимо от того, активны ли они в данный момент².

На сегодняшний день связь «ученик—учитель» трудноосуществима в той мере, в какой это необходимо для развития социологии. Эта связь слабеет, что во многом определяет отсутствие взаимопонимания между представителями разных поколений в науке. Соавторство и коллегальность присутствуют постольку, поскольку они актуальны, и имеют, как правило, краткосрочный характер сотрудничества.

Несмотря на успешные попытки построить модель сетевых взаимосвязей в профессиональном сообществе социологов на основе контент—анализа исследовательских биографий³, внутренние механизмы установления таких связей остаются пока за рамками научных работ в этой области.

---

¹ Кун Т. Структура научных революций. — М.: Изд-во АСТ, 2003. С. 227—228.

² Маллинз Н. Модель развития теоретических групп в социологии. <http://courier.com.ru/pril/posobie/mull.htm>

³ Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии. — М. 2004. http://www.i-u.ru/biblio/archive/gradoselskaja_setevie/04.aspx

Открытым остается вопрос о том, насколько эмоциональная идентификация способствует установлению и сохранению коммуникативных связей¹. Если рассматривать сотрудничество как взаимоотношение личностей, то эмоциональная идентификация должна составлять неперенное условие установления таких отношений. Тогда не вполне понятно, каким образом будут сохраняться связи, если сотрудничество перейдет в конфронтацию.

Отношения конфронтации и сотрудничества становятся необходимыми в процессе конструирования сообщества. Конфронтацию можно определить через призму «конфликта поколений» в современной науке вообще и в социологии в частности. Проблема возникает прежде всего на фоне установления полипарадигмальности в современной социологии. Полипарадигмальность выражается в смене приоритетов: от классической (количественной) методологии в социологическом исследовании в сторону качественной. Какую из существующих одновременно в науке парадигм принимать или отвергать — это, по сути, экзистенциальный выбор самого исследователя. Однако столкновение различных полей академического пространства представляется неизбежным.

П. Бурдые, исходя из трактовки социального пространства, соотносит единообразие решений с тем, что агенты, занимающие сходные позиции, находятся в сходных условиях, подчиняются сходным обусловленностям и имеют все шансы обладать сходными диспозициями и интересами, а, следовательно, производить сходные практики². Позиции представителей разных поколений в науке неодинаковы. Прежде всего потому, что их социализация (и профессионализация) происходила в принципиально различных условиях, в результате чего возник не только альтернативный опыт, но иное мировоззрение самих исследователей.

Представители разных поколений расходятся в своих взглядах не только на решение исследовательских проблем, но и на формирование образа ученого, ангажированность получаемого им знания, участие в исследованиях, финансируемых госструктурами или частными компаниями. Ведутся бесконечные дискуссии о том, насколько публичность исследователя отражается на качестве его работы.

Участие в жизни сообщества, которое, подобно многим другим, является «воображаемым»: а именно — существует лишь постольку, поскольку участвующие в нем люди воспринимают себя именно в качестве членов сообщества³, делает его реальным для них. Объективация сообщества для всех остальных осуществляется после того, как будут институционально закреплены нормы и правила среди участников⁴. Сотрудничество и конфронтация позволяют определить группу индивидов, реализу-

¹ Погорелов Ф. А., Покровский Н. Е. Судьба социологического образования в России: глазами студента и профессора. // Социологические исследования. — 2003, № 8. С. 81—90.

² Бурдые П. Социология социального пространства. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 71.

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. С. 4—5.

⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Изд-во «Медиум», 1995. С. 98.

ющих сходные практики, как сообщество, где коммуникация выступает универсальным инструментом и необходимым условием его объективации.

Принадлежность к некоторому сообществу дает его участникам право говорить от имени своих коллег, обеспечивая поддержку и оправдывая претензии на экспертный уровень научного знания по отношению к обыденному. После чего оно может быть воспринято окружающими как руководство к действию или бездействию. В этом случае обозначившаяся личностная позиция исследователя приобретает особое значение. Проблема состоит только в том, настроен ли исследователь представить свою личностную позицию, готов ли он ангажироваться для выхода за рамки экспертного сообщества.

Понятие «ангажированность» происходит от французского «engager» — приглашать, вовлекать, предлагать. Само по себе понятие ангажированности не предполагает наличия негативного контекста. И производное от него понятие «ангажемент», как найм специалиста для выполнения работы (в оригинале — актера в театр), не может быть осмыслено как негативное. Кто захочет нанять или пригласить посредственного сотрудника? Нанимают или приглашают кого-то, наделенного особыми качествами, обладающего талантом и навыками, скорее специалиста, нежели дилетанта.

Ангажированность у Т. Адорно в политическом и культурном смысле имеет своей целью изменение условий существования, а не ограничивается внесением одних лишь предложений и высказыванием благих пожеланий¹. В таком случае можно считать ангажированность априорной характеристикой деятельности социального ученого.

Ангажированность социолога — это проблема, корни которой уходят в социальную обусловленность получаемого им знания. Знание, которое он черпает в обществе, само по себе обладает характеристиками вовлеченности — исследователя в исследуемый им фрагмент социальной реальности. Там, где биографическая позиция заменяется научной, исследователь не чувствует, не переживает, не отождествляет ситуацию со своей собственной. Такая деперсонализация социолога в количественном исследовании сменяется его включенностью и как следствие вовлеченностью в события, отношения, действия в качественном исследовании, где «понимание», являясь условием познания социального, требует отождествления, сочувствия, переживания, соотнесения смыслов.

Социальное знание должно быть признано группой ученых, принадлежащих данному научному сообществу, иначе его нельзя назвать легитимным. Стремясь достичь легитимности полученного знания, исследователь предоставляет его результаты членам как своей собственной, так и других групп — «открывает исследовательскую кухню» и тем самым объективирует и легитимирует полученное знание внутри сообщества. После этого само знание становится доступно не узкому кругу, а многим. В том числе представителям не только академического поля, со всей его автономностью, но

---

¹ Адорно Т. Эстетическая теория. М: Изд-во «Республика», 2001 <http://culture.niv.ru/doc/aesthetic/adorno/149.htm>

и политикам, предпринимателям, агентам СМИ и пр. В этом случае можно сказать, что знание тоже становится «ангажированным». Итак, проблема ангажированности самого ученого напрямую связана с ангажированностью социального знания.

О необходимости выхода науки в сферу публичного, подчеркивая двойственность такой аккредитации, пишет Ив Мишо¹. Необходимо, чтобы научный мир и общество в целом находились в контакте в рамках постоянных форумов (стоит напомнить, что научный мир составляет часть общества и не находится ни вне его, ни вне общественного контроля). С этой точки зрения, деятельность исследовательских комиссий, центров мониторинга, научных агентств, многочисленные доклады, сделанные известными учеными по общественному заказу, постоянные ссылки на мнение экспертов являются проявлением социальной рефлексивности. Это Мишо называет «презентабельной» и приемлемой стороной нынешнего положения вещей. Но существует и обратная сторона этой рефлексивности — постоянные опросы общественного мнения, призывы к общественности, исследования, более или менее управляемые заказчиками, многочисленные феномены демагогии, которые также характеризуют общество.

Глобализированная наука является благодаря существованию научного сообщества — многочисленного и могущественного. У него есть свои институты утверждения и признания (среди которых Нобелевская премия — лишь наиболее заметное проявление), свои способы оказания давления. Она работает в атмосфере любопытной смеси кооперации и конкуренции: существует прекрасное международное научное сотрудничество, но и жестокое непрекращающееся соперничество между научными коллективами.

Существование «научного сообщества» оказывает влияние на процесс построения коммуникации с внешним по отношению к нему миром. Возникает воображаемая граница между теми, кто производит знание, и теми, кому оно предназначено. Границы можно трактовать как нечто, что способно помешать чужим выйти. В действительности, они служат также и тому, чтобы помешать выйти. Основная функция социальных границ — помешать доминирующим выйти, стать вульгарными, уронить собственное достоинство. Помешая обособленно, их заставляют чувствовать свое превосходство². Такое иллюзорное превосходство можно расценить как бессилие. Бессилие представителей эпохи постмодернити, где критика социального мира, являясь прерогативой социального ученого, становится бессмысленной и бесполезной, если сам ученый только критикует. У З. Баумана современное «индивидуализированное общество», открытое критике, приобретает своеобразный «иммунитет» и потому глухо к ней³.

¹ Мишо И. Общество познания и формы коммуникации.// Неприкосновенный запас., 2002, № 5. <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/misho.html>

² Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений.// Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. — М.: Socio-Logos, 1996. С. 8—31.

³ Бауман З. Индивидуализированное общество. — М.: Логос., 2005, С. 126.

Наука как социальный институт теснейшим образом взаимодействует с политикой. Несмотря на это представители обеих сторон находятся в постоянном противоборстве по поводу собственной автономии с заключением временного «договора о невмешательстве» в дела друг друга. Однако нельзя отрицать, что представители науки, являясь «доминирующими среди доминируемых», не могут молчать, когда становятся свидетелями политических манипуляций сознанием. А их молчание — такое же вмешательство и повод к соответствующим дискуссиям. Это как раз тот случай, когда молчание может быть не менее красноречиво, нежели публичное выступление.

П. Бурдые подчеркивает одно из свойств политики: отчасти она вырабатывается именно исследователями. Вопрос для него в том, могут и должны ли те, кто благодаря своим научным познаниям способны предвидеть пагубные последствия этой политики, сохранять молчание? Не заключается ли в этом уклонение от помощи тем, кто оказался в опасности? Не должны ли ученые покончить с той сдержанностью, которую традиционно накладывают на себя¹?

Политические агенты как доминирующие, в лучшем случае стремятся обрести поддержку в лице научных школ, а в худшем — к осуществлению постоянного контроля над их деятельностью.

Понятие «университетской доксы», которое вводит П. Бурдые, как нельзя лучше отражает эту взаимозависимость и провозглашает нерелефлексивную конформность ученого в качестве необходимого условия таких отношений: «В любой момент времени мы утверждаем, считаем нечто само собой разумеющимся, полагаем как достигнутое, предполагаем массу вещей о социальном мире.... Докса — это отношение непосредственного согласия с миром»². Он видит основу такого непротиворечия в особенностях социализации ученого, а именно: обучения и кооптации.

Таким образом, проблема ангажированности исследователя не менее тесно связана с ангажированностью его опыта. Человек познает мир социально опосредованно, находясь в кругу носителей некоторого повседневного знания, которое затем эмпирически подтверждает или отвергает на протяжении всей жизни³.

В умах большей части образованных людей, особенно тех, кто занимается общественными науками, присутствует дихотомия, которая представляется совершенно губительной: раскол между *scholarship* и *commitment* (в терминах П. Бурдые), между теми, кто посвящает себя научной работе, используя научные методы и адресуя свои труды другим ученым, и теми, кто ответственно выносит свои знания за пределы научного сообщества. Это противопоставление — искусственное. На самом деле нужно быть независимым ученым, который работает по правилам *scholarship*, для того

¹ Бурдые П. За ангажированное знание. Неприкосновенный запас., 2002, №5. <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/burd.html>

² Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений. // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. — М.: Socio-Logos, 1996. С. 8–31.

³ Шюц А. Методология социальных наук / Пер. с нем. и англ. // Шюц А. Избранное: мир, священный смысл. — М: Росспэн, 2004. С. 37–38.

чтобы производить легитимно ангажированное знание и вводить это знание в практику. Такое знание рождается только в ходе работы, подчиненной правилам научного сообщества¹.

Выстраивая образ социальной науки, В. Б. Голофаст обращал внимание на те крайности, которые свойственны мыслителям в периоды общественных трансформаций. Реакционный мыслитель циничен, современник реформ — чрезвычайно самонадеян, вплоть до осознания своего мессианства. Однако с прогрессом научной социальной мысли становится возможным понимать ангажированность социального мыслителя как конкретную историческую обусловленность и смысл его занятий. Амбивалентность его позиции становится методологическим инструментом уточнения конкретных связей социального ученого и общества, социального ученого и других деятелей культуры, построения перспективы применения получаемого им социального знания².

Методологическое сознание социолога как понимание собственной позиции, цели и задач научной деятельности в настоящий момент находится в стадии становления, а особое внимание к проблеме научной рефлексии становится основой его формирования. Понимание социологом собственной априорной ангажированности порождает ответственность за предоставленное и сокрытое им знание, персонализирует исследователя в глазах широкой общественности и объективирует научное сообщество, с которым он отождествляется, способствует осмыслению предназначения социальной науки в жизни общества представителями других сфер культурного производства.

Коммуникация как легитимация нового знания в науке включает в себя взаимодействие между членами научного сообщества, между научным сообществом и политическими агентами, между исследователем и различными влиятельными группами и т. д. Другими словами, она приобретает характер разнонаправленных взаимосвязей, в ходе возникновения или разрыва которых происходит преобразование как участников коммуникативного процесса, так и самой социальной реальности.

---

¹ Бурдые П. За ангажированное знание. Неприкосновенный запас., 2002, №5. <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/burd.html>

² Голофаст. В. Б. Методологический анализ в социальном исследовании. — Ленинград: «Наука», 1981. С. 64.